

Максим ГАЛКИН: На пародии можно долететь до Марса

Известия - 2002 - 21 ноябрь - с. 7

Максим Галкин — особое явление в нашей жизни. Он молодой, он весел, он почти что хорош собой. История Галкина служит идеальным примером того, как надо строить жизнь, отношения с людьми и карьеру. За двадцать шесть лет жизни («дата» была им широко отмечена и не менее широко разрекламирована) он успел многое: получить высшее образование, начать писать диссертацию об особенностях переводов «Фауста», выйти на сцену и стать знаменитым пародистом, появиться на телеэкране и превратиться в кумира всенародного масштаба, которого даже на Западе вспоминают вторым после Путина. И при всем при этом Максим Галкин — персона довольно специфическая: несмотря на то что он прочно и, судя по всему, надолго занял место одного из главных действующих лиц шоу-бизнеса, ему все-таки только двадцать шесть лет, чем и объясняется многое, в частности нежелание или неумение рассказывать о своей жизни — прошлого не так уж и много, а настоящего пока не набралось. Галкину нравится говорить о себе только как о профессионале — благо он теперь един в трех лицах.

— В феврале будет два года, как вы ведете «Кто хочет стать миллионером». Не устали?

— Пока нет, мне интересно. Есть какое-то движение для меня самого. Надеюсь, в лучшую сторону. Кроме того, я чувствую и какое-то развитие программы.

— Какова степень вашей свободы внутри игры?

— Есть игра, есть ее правила. Их не надо нарушать. Моя задача — облегчить участь игрока, чтобы он чувствовал себя комфортно. Конечно, бывают комические ситуации, которыми нельзя не воспользоваться, но я не могу себе позволить выставить человека глупым.

— А если и выставлять не надо?

— Если человек не знает ответа на вопрос, это не черта характера. Вообще ирония с моей стороны допустима, но прямое оскорбление никогда. «Кто хочет стать миллионером» — гуманный передача.

— У васшего предшественника, видимо, был другой взгляд на вещи.

— Это его стиль. У Димы Диброва лучше получалось быть жестким и язвительным, а у меня — доброжелательным и нравиться зрителям. Это все время находилась в состоянии как бы легкой конфронтации с игроком. А я соперничал.

— Вы как-то сказали, что, увидев «О, счастливычика!», решили, что эта передача вам подходит. Задолго до того, как вам ее предложили. С чего это вдруг такая уверенность в своих силах?

— Понял, что можно вести по-другому и что у меня бы это получилось. И — получилось. Поэтому я о особенно пугался сравнений с Дибровым.

— А того, что не справитесь?

— Совсем нет. Это вообще идеально продуманная программа, которую невозможно испортить. Единственно, кто умудрился угробить эту игру, — американцы. Сначала были очень хорошие рейтинги. Но они поставили ее несколько раз в неделю и — «сожгли». Но, к сожалению, на наших каналах то, что пользует

ся популярностью, начинает плодиться в большом количестве. Не только игры. Самый большой рейтинг приносит «телевизионный» юмор. За него, к несчастью, ухватились и стали «золотую жилу» эксплуатировать.

— Какое же это несчастье? За юмористов, по-моему, стоит только радоваться.

— Радоваться можно полгода, а потом у народа наступит отторжение. Все хорошо в меру. Я, например, очень люблю блины. Но если я их съем двадцать штук, то потом год видеть не смогу. Ну и зачем? Лучше есть их пять раз в неделю по четыре штуки, чем двадцать сразу и потом никогда.

— «Аншлаг», в котором вы часто появляетесь, те самые двадцать, если не сорок блинов сразу.

— У нашей критики неадекватное отношение к «Аншлагу» и юмору вообще: либо огульно ругают, либо восхваляют до небес. А вот умения детально разобрать, что происходит, практически не встречается. Мне в этой программе что-то нравится, что-то не нравится, но пока я в ней появляюсь, я ее одобряю. Я знаю, что эту программу смотрят. И что если там будет мой номер, его стопроцентно увидят.

— Это довод. Вы пришли на сцену с имитациями, которые давали довольно четкий психологический портрет изображаемых персонажей. Со временем эта сторона в ваших выступлениях пропала.

— Имитация — чисто звуковое подражание, а же имитация. Я вживался в образ человека. Старался передать его манеру мышления — голосом, мимикой, жестами. Если кажется, что какая-то острота исчезла, не моя вина. Это общая проблема, и ее первоисточники заложены в ситуации стагнации, в которой сейчас находится общество, политика и политики в том числе. Где вы сейчас найдете персонажей с яркой индивидуальностью, которые могли бы сравниться с Ельциным и Жириновским? Новых не появилось.

— Вы всегда идете на ура, как бы это ни было написано и исполнено. Гораздо сложнее хорошо шутить на вечные темы, про них уже столько сказано.

— Поэтому вы переключились на музыкальные пародии?

— Мне это интересно, есть простор для развития.

— Какого?

— Вообще.

— Развитие «вообще» не бывает.

— Ну, чтоб было больше номеров хороших.

— А вы обращаете внимание на реакцию зрителей?

— Я только на нее и ориентируюсь. Кроме всего прочего, конечно.

— А прочее — это у нас что?

— Ну, что можно говорить со сцены, чего нельзя. Бывает, зрители на шутку реагируют, а я понимаю, что этого нельзя было говорить.

— И чего же говорить нельзя?

— Есть грань, за которой начинается пошлость, есть табуированные слова, которые я не скажу. В этой беседе в том числе.

— Как же мы тогда узнаем, где для нас начинается пошлость?

— А вот когда не скажу, тогда и поймете. И вообще у меня очень хорошие пародии. Если в зале сидит человек, которого я в этом номере изображаю, мне не нужно менять ни слова — я точно знаю, что он не обидится. Я много кого изображал: Черномырдина, Явлинского, Моисеева, Горбачева — да мало ли кого, и все хорошо реагируют.

— Как реагировал Путин на Путина?

— Хорошо. Но со сцены это не увидишь, только по телевизору.

— А что вы видите со сцены?

— Я в основном слышу. Я вижу зал, но не люблю рассматривать реакцию отдельных людей. Один человек может смеяться, другой — зевать, третий — говорить по телефону, а четвертый и

Идентификация: 1 — Алла Пугачева, 2 — Максим Галкин

вообще заснуть. В принципе целая картина не портится, но зачем мне эти подробности? Когда я выступаю в маленьком зале, надеваю очки, чтобы видеть каждого, потому что тогда надо работать с человеком непосредственно. А тысяча человек — это уже единый организм.

— Вы просчитываете, где публика будет смеяться, где нет?

— Как правило, да. Но бываю, когда она смеется в неожиданном месте, где я на это совсем не рассчитывал. Публика — это коллективный разум, который соображает быстрее, чем ты, и смешное она видит там, где ты этого не замечал. Но у меня бывали случаи, когда я выхожу с новым номером на самых ответственных мероприятиях. И шел на риск.

— Самое ответственное мероприятие — это...

— Когда все идет в прямом эфире и ничего не исправить, как это бывало на концертах к Дню милиции или на «Нике». Если нет возможности сделать купюры — это ответственно. Если коллеги в зале — тоже. Их-то удивить сложнее. Хотим можно.

— Чем?

— Разного рода неожиданностями. Я вам не скажу, а то они прочтут, а потом скажут, что и не удивлялись вовсе.

— Про вас говорят, что вы — единственный человек, которому удается ни с кем не ссориться. Большое достижение, если это правда, конечно.

— Это правда.

— В чем причина, на ваш взгляд: в умении поддерживать знакомства, в вашем таланте, который все ценят и потому берегут его обладателя, или в прекрасной дружеской атмосфере, которая царит в юмористическом цехе?

— Вот последнего не бывает ни в одном цехе, будь то театральный или стелелетейный. Всегда кто-то конфликтует, кто-то кого-

то не любит, кто-то с кем-то не здоровается... Просто я воспринимаю людей такими, какие они есть. Я никогда не буду сводить счеты, обижаться, всегда буду вести себя коммюльфо. Зачем мне с кем-то что-то делить или ссориться? Выяснять отношения можно с человеком, с которым проведешь всю жизнь. С женой, например. А с коллегами нужно работать. Поэтому у меня со всеми сложились ровные, приятельские, коллегиальные отношения.

— То есть никакие. А если говорить о профессии — кто из коллег вам наиболее близок?

— Сложно сказать. Я по пародии специализируюсь. А пародия у нас, юмористов, всегда воспринималась как первоначальная ступень. И у всех, как у ракеты, эта первая ступень отваливалась, раз и навсегда. Переходит на жанр монолога. А для меня пародия — постоянный модуль, на котором можно долететь до Марса. У меня скорее американский взгляд на такие вещи: если уж чего-то добился, надо эксплуатировать до конца.

— И что же вы на Марс?

— Так же как Земля не знает, есть ли жизнь на Марсе, так и я не знаю, что для меня Марс. Когда долечу, пойму.

— Неужели никаких целей перед собой не ставите?

— Я должен всегда быть интелесным публике. Должен отвечать на все ее желания. Не могу прельять, проигрывать то, что уже колено. Мне было бы жалко зачеркнуть пройденное.

— Зачем же зачеркивать, можно просто перелыску сделать.

— Конечно, как всякому человеку, мне хочется больше отдыхать. Но когда я сижу и отдыхаю, совесть начинает мучить, я себя плохо чувствую после длительного ничегонеделания. А когда заставляю себя из-под палки работать, потом получаю удовольствие от урожая, скажем так.

• ПРЕСС ПРЕССЫ

«Он обещал новый образ — молодого интеллигентного шоумена, который должен был вырасти в просто интеллигентного шоумена. Но телевидение не хуже денег и квартирного вопроса портит человека. Поэтому чувствуется опасность, что вдруг фирменная галкинская легкость необыкновенно обернется алестаковщиной. И хотя мы верим, что может и было сорок тысяч одиноким курыков, и с Пушкиным он действительно на дружеской ноге, но все же как-то не настолько. Неужели взлет Галкина в очередной раз проиллюстрирует обыкновенную историю, многократно в литературе описанную, как чистый молодой человек, подающий большие надежды, по пути к светским (шоубизнесовым) и карьерным (телевизионным) вершинам заматревет, утратит иллюзии и станет похожим на всех циничных дядюшек отечественной эстрады. Из интеллигентного пародиста превратится в пародию на интеллигента». «Известия», 2 марта 2002 года.

«Он пародировал политиков, делал это хорошо, весело, а главное, не пошло. Зал смеялся так, что в пору было «скорую» вызывать. Прошло не так много времени, и слава побежала впереди Галкина, уводив его все дальше и дальше от родного университета. Теперь он носит стильные очки и ведет на ОРТ интеллектуальную передачу для умников и умниц. Оди считают, что очки и передача ему к лицу, другие помнят Галкина-пародиста и полагают, что лучше бы он занимался только этим». «Учительская газета», сентябрь 2001.

«В свои 26 Галкин — самый почетный и желанный персонаж светских вечеринок. Максим не пропускает ни одного правительственного банкета, где льет на брудершafft с героями своих пародий. «Жертвы» Галкина нисколько не обижаются на него и с удовольствием смотрят его репризы». «Россия», 25 июня 2002.

«Существуют разные мнения на тот счет, когда Максим Галкин стал звездой. Те, кто смотрит телевизор в прайм-тайм, знают: звезда по имени Галкин зажглась год назад в телепрограмме «Кто хочет стать миллионером?». Те, кто читает таблоиды, считают: Галкин приобрел звездный статус после дуэта с Пугачевой». «Лица», 15 мая 2002.

«Безусловно, какой-то талант у Галкина имеется, что-то он нахватал у одних мастеров разговорного жанра, что-то у других, но в целом его программа не подымается выше уровня капустника». «День», 22 марта 2002.

«Пафос Галкина однозначно свидетельствует о снобизме и желании воспитывать нерадивую аудиторию, а заодно и журналистов, на которых у него зарисовался зуб. Галкинское выступление в эфире канала «Культура» выдало и мучительное желание глдири пародиста с ТВ-ведущим быть уважаемым «Лингвистом», а вовсе не телезвездой, вызывающей бурный восторг у домохозяек и нискохидельные улыбки у социально-близких». «Музыкальная правда», 7 марта 2002.

«Невероятный взлет популярности Галкина — яркое свидетельство ошеломляющего влияния телевидения на беззащитное российское население. Кто знал Максима год назад? Редкие фанаты передачи «Аншлаг». Или студент МГУ, любитель-театрала. Стоило начать регулярно появляться на первой кнопке, как он тут же обзавелся собственным фан-сайтом и безумным количеством почитателей его таланта. Откуда логично вытекает вывод, что телевидение может сделать звезду из кого угодно». «Ежедневные новости — Подмосковье», 26 января 2002.

Бывает, из одной случайной найденной фразы рождается целый номер.

— Кстати, а где вы с народом одним воздухом дышите?

— Ну это же не означает, что я должен идти на вокзал или ходить туда-сюда по Тверской. А вот смотреть наше телевидение и видеть, какая «погода» в Москве, я должен. Я смотрю каждый день новости, чтобы знать, что происходит. Не аналитиком, мне неинтересно, что сказал диктор на этом канале, что на том, за кого эти, с кем борются те. Мне важно знать, что сказал сегодня Путин, кого он принял, куда поехал, чтобы обладать общим информационным полем с залом. Как раньше говорили: утром в газете, вечером в куплете. Вот так я и живу.

— Вы заметили, что народ любит пародии на власть. А как насчет пародии на народ? Не интересует?

— Любые собирательные образы, монологи в сущности и есть пародии на народ в лице его отдельных представителей. Просто в советский период было больше героев своего времени: были образы бюрократа, торгового работника, хамовитого продавца, экскурсовода. А наше время как-то подкачало. Единственный образ, появившийся за эти десять лет, образ нового русского, который настолько заштампован и перешел в сферу анекдотов, что со временем уже как-то и заторно изображать. Нет образов, которые представляли бы общество в целом. Поэтому сейчас изображают отдельные известные личности. Поэтому эстрада в какой-то момент ушла в сферу политики и сатиры. Но сегодня и это отмирает. Сейчас в ходу анекдотическая область: муж, жена, теща, любовник. Лет наверное через десять устоятся герои нашего времени и снова возникнут образы.

— А как насчет образа телеведущего?

— Не получится. Все равно народ будет гадать — а кого из них он изображает?

— От вашей жизни складывается впечатление абсолютного благополучия: все хорошо, все гладко, никаких сбоев, потрясений, рынков — такой отлаженный конвейер.

— Зря вы ничего от меня не ждете. К тому же — вы мне что предлагаете? Вам как лучше? Чутьбы неровно? Это вы подраза

• БЛИЦОПРОС

— Насколько ваш экранный образ отличается от реального?

— Несильно. Хотя в жизни я не очень люблю носить костюмы.

— Предпочитаете свободу?

— Уют. К тому же костюмы гладить надо.

— Готовы ли вы сделать пародию на самого себя?

— Меня пусть другие изображают. Как я могу изобразить свой голос, если только им и могу разговаривать?

— Больше к вам не из-за чего прицепиться?

— Есть, наверное. Вообще было бы хорошо, если бы меня кто-то спародировал. Это у нас считается признаком популярности.

— Только поэтому?

— Только поэтому.

— Сколько нужно времени, чтобы «схватить» чей-нибудь голос?

— По-разному. Но наших эстрадных певцов сложно изображать, потому что многие из них сами по себе пародия. Вот Борис Моисеев, например, вообще в нашем юмористическом цехе работает.

— Есть ли проблемы с пародиями на Путина?

— С публикой. Она их хорошо принимает только в больших залах. В камерной обстановке эти номера не работают.

— Как поживает диссертация?

— Неважно. Я ею мало занимаюсь.

— Нет времени, желания, сил?

— Времени.

— Чем объяснить выбор темы?

— Что обнаружил, то и выбрал.

— Сколько написали?

— Ой, я на первой главе остановился, но мне надоело про нее рассказывать, какой-то мыльный сериал вместо работы получается.

Идентификация: 1 — Алла Пугачева, 2 — Максим Галкин

Анна КОВАЛЕВА